

А. Н. Багашев, Р. Ю. Федоров
**НАРОДНЫЕ ПРАВОСЛАВНЫЕ ТРАДИЦИИ
 БЕЛОРУССКИХ КРЕСТЬЯН-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В ЗАУРАЛЬЕ***

Во второй половине XIX — начале XX столетий в результате массовых крестьянских переселений на территории Зауралья возник ряд деревень, основанных выходцами из Белоруссии. Несмотря на серьезные трансформации жизненного уклада и процессы ассимиляции, в той или иной мере затронувшие места компактного проживания белорусов за Уралом, в некоторых поселениях можно и сегодня зафиксировать примеры сохранения этнических традиций, аутентичных для народной белорусской культуры. Их фиксация и исследование имеют особую ценность и актуальность в силу того, что многие прототипы подобных традиций на протяжении более ста лет существовали изолированно, вдали от культурной среды мест выхода переселенцев. Данное обстоятельство породило ряд уникальных ситуаций, когда определенные атрибуты архаической культуры переселенцев, находясь в «законсервированном виде», продолжили свое бытование за Уралом, несмотря на то что сегодня их проявления оказались почти утраченными на исторической родине. В других случаях пристального внимания заслуживает изучение трансформаций белорусских этнических традиций, «пересаженных» на новую этнокультурную почву, на которой они приобрели новые значения и смыслы.

Изучению данного круга проблем был посвящен ряд организованных нами этнографических экспедиций на территории Тюменской области. Опираясь на рассказы информаторов, а также на участие в праздниках и обрядах (метод включенного наблюдения), мы получили материал о народных православных традициях потомков белорусских переселенцев. Среди них наибольший интерес представляют примеры из зимнего цикла традиционной календарной обрядности, отдельные элементы

которого зафиксированы в ходе экспедиций. Они свидетельствуют о сохранении переселенцами целого ряда региональных особенностей народных православных традиций, принесенных их предками из мест выхода.

Колядования со «звездой»

Деревня Новоберезовка, расположенная в Аромашевском районе Тюменской области, была основана в 1895 г. переселенцами из Гродненской губернии, получившими здесь землю в ходе аграрной реформы П. А. Столыпина.¹ Несмотря на то что, помимо потомков первого поколения переселенцев, в деревне сегодня можно встретить русских чалдонов, а также несколько семей, переселившихся сюда после аварии на Чернобыльской АЭС с Украины, белорусская самоидентификация в ней продолжает доминировать. Во многом это объясняется тем, что наиболее уважаемые в деревне семьи старожилов являются потомками первопоселенцев. В отдельных случаях в таких семьях сохраняются аутентичные этнические традиции, принесенные из мест выхода их предков. В Новоберезовке их ярким примером являются рождественские колядования со «звездой».² Эта традиция хранится в семье Николая Васильевича Сальникова (1960 г. р.). Предки Николая Васильевича были выходцами из Гродненской губернии, но сам он ни разу в жизни не посещал Белоруссию. Как и многие другие потомки белорусских переселенцев, он отождествляет себя с самоходами. В Сибири самоходами было принято называть переселенцев из западных губерний — чаще всего с территории современной Беларуси, хотя в некоторых случаях к ним относили и выходцев с Украины и из центральных губерний России. Местные жители чаще всего объясняют происхождение этого слова тем, что до постройки

*Багашев Анатолий Николаевич — д.и.н., директор Института проблем освоения Севера СО РАН (г. Тюмень)
 E-mail: bagashev@tmn.ru*

*Федоров Роман Юрьевич — к.филол.н., с.н.с. Института проблем освоения Севера СО РАН (г. Тюмень)
 E-mail: r_fedorov@mail.ru*

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 12-21-01000а(м) «Традиционная культура белорусских переселенцев в аграрной среде Сибири и Дальнего Востока: истоки и трансформации»

¹ На сегодняшний день почти все опрошенные нами старожилы Новоберезовки утратили связь с местами выхода своих предков. На вопрос о том, откуда они переселились, как правило, указывается Гродненская губерния без уточнения конкретных населенных пунктов. Поэтому более детальное выявление мест выхода переселенцев сегодня возможно только путем изучения архивных источников.

² Все изложенные ниже сведения о традициях колядований со «звездой» были зафиксированы нами методом включенного наблюдения в ходе экспедиции в деревне Новоберезовка Аромашевского района Тюменской области с 6 по 8 января 2013 г.

Транссибирской железнодорожной магистрали их предки двигались в Сибирь «своим ходом», в обозах. В белорусском же языке слово «самохаць» означает 'добровольно, по своему желанию'.³ Таким образом, самоходами были те люди, которые пришли в Сибирь самовольно, т. е. они представляли собой наиболее мобильную часть белорусского крестьянства, не побоявшегося пройти тысячи километров трудного пути в поисках лучшей доли.⁴

Д. К. Зеленин указывал на то, что обряд колядований со «звездой» был общим для всех восточнославянских народов: «элементы христианского происхождения в рождественских обрядах восточных славян — это бумажная звезда, обычно имеющая вид фонаря со свечой, который исполнители рождественских песен несут перед собой».⁵ Однако на территории Тюменской области бытование этой традиции было нами зафиксировано лишь у потомков белорусских переселенцев. Опросы, проведенные в старожильческих «чалдонских» деревнях, свидетельствуют о том, что их жители не знакомы с этой традицией.

На сегодняшний день суть обычая сводится к следующему. Во время традиционных колядований группа колядующих носит по улицам «рождественскую звезду», с которой она заходит в дома местных жителей. Двенадцатиугольная звезда крепится на шесте высотой примерно в рост человека. Звезда изготовлена на основе деревянного каркаса и украшена цветной бумагой и фольгой. Украшения из цветной бумаги сделаны в соответствии с традициями белорусской «выцынянки». Выцынкой в Белоруссии называют ажурное вырезание из бумаги, бересты, ткани, кожи и дерева. Подобные изделия в виде узоров, звезд, силуэтов животных и птиц нередко наклеивались на потолки и стены белорусских хат. Бумажные украшения для звезды сделаны в два ряда. Н. В. Сальников отмечал, что такой тип звезды в его семье называли двухрядкой. Количество лучей звезды он связывал с числом апостолов. Можно предположить, что, помимо символического воплощения Вифлеемской звезды, звезда для колядований в древности символизировала солнце.

В частности, на уходящие корнями в дохристианскую эпоху традиции солнечного культа, связанные с этим праздником, указывал А. Е. Богданович.⁶ Однако сегодня опрошенные нами старожилы Новоберезовки считают колядование сугубо православным праздником, отрицая его языческое происхождение.

По словам Н. В. Сальникова, в его семье все предки по мужской линии изготавливали и носили такие звезды. Они же были старшими во время колядований. На территории Белоруссии таких людей называли старостами. Как правило, они являлись наиболее уважаемыми людьми в социальной иерархии деревни.⁷ Н. В. Сальников отмечал, что в его семье «рождественские звезды» несколько раз обновлялись. Первоначально звезда подсвечивалась свечой. Для достижения особого блеска от подсветки она натиралась гусиным жиром. Однажды в 1980-х гг. звезда, которую нес Н. В. Сальников, загорелась от свечи, все ее бумажное обрамление мгновенно сгорело, но деревянный остов сохранился, и уже на следующий день звезда была восстановлена при помощи всей семьи. После этого случая Николай Васильевич начал подсвечивать звезду лампочкой в 12 ватт, нося аккумулятор на плече в мешке от противогаза. В начале 1990-х гг. звезда была украшена электрическими гирляндами, подключавшимися к электросети на то время, пока звезда находилась в доме, в котором проходили колядования. Ранее со звездой ездили на санях, запряженных лошадей, но в настоящее время между улицами деревни, находящимися на значительном расстоянии, звезду перевозят на автомобиле. Несмотря на подобные технические модернизации, Н. В. Сальников считает, что суть обряда не изменилась: «Без веры мы жить не сможем никак. Надо ее в детей вселять, чтобы она была у них в душах».

По словам Н. В. Сальникова, бытование обряда сохранялось в годы советской власти и он принимал в нем участие, будучи школьником, несмотря на замечания учителя. Во второй половине 1970-х гг. звезду перестали носить, но в 1980 г., вернувшись из армии, Николай Васильевич стал одним из инициаторов возрождения обряда.

³ Беларуска-Рускі слоўнік. Мінск, 2003. С. 218.

⁴ См.: Багашев А. Н., Федоров Р. Ю. Особенности этнокультурной идентичности белорусских переселенцев в Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 3 (51). С. 125.

⁵ Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 402.

⁶ См.: Богданович А. Е. Пережитки древнего мирозерцания у белорусов. Этнографический очерк. М., 2009. С. 70.

⁷ См.: Титовец А. В. Фольклорно-этнографическая традиция и ее трансформации в пространстве и времени // Белорусы в Сибири: сохранение и трансформации этнической культуры. Новосибирск, 2011. С. 103.

В настоящее время на протяжении всего года звезда хранится в школьном музее Новоберезовки, являясь, таким образом, не только семейной реликвией Сальниковых, но и достоинством всей деревни. На Рождество в роли колядовальщиков обычно выступают жительницы деревни старшего поколения, большинство из которых участвуют в самодеятельности Новоберезовского клуба (заведующий в настоящее время — Н. В. Сальников).

Ранним рождественским утром по домам Новоберезовки начинают ходить славильщики, в роли которых обычно выступают дети. По определению Д. К. Зеленина, славильщики отличаются от колядовщиков тем, что они исполняют только церковные рождественские песнопения.⁸ Данная традиция характерна и для Новоберезовки. Колядования начинаются с первой загоревшейся звезды, 7 января, примерно в половине шестого. Если прежде колядовальщики обходили все дома по порядку, то сейчас они посещают лишь заранее предупрежденных жителей деревни, большинство из которых принадлежат к старожильческим семьям.

Заходя в дом, колядовальщики произносят следующие приветствия на русско-белорусском диалекте — трасянке, — который до сих пор характерен для старшего поколения жителей Новоберезовки:

«Пустите в хату нас пощедроваты,
Христа прославляты,
У двери мороз — не можно стояты;
Пустите нас погреться!»

или

«Пришли щедроваты до вашей хаты,
Щедрый вечер — добрый вечер,
С Рождеством Христовым вас поздравляем!
Ой, в Иерусалиме рано зазвонили,
Щедрый вечер — добрый вечер,
Добрый людям на здоровье».

После этого гости поют рождественские колядки — подряд три или четыре песни. Во время пения староста держит в руках звезду, стоя позади нее, совершая ею вращательные движения. После завершения песен колядующие поизносят следующие фразы:

«Мы у вас пощедровали,
Песнями Бога прославляли,
А можно ли у вас поколядовать?»

Получая разрешение от хозяев дома, они продолжают:

«Колядын, колядын, я у батьки один сын,
Коротенький кожушок — дай, хозяйка, пирожок!»

Ходит, ходит коляднице добрым смаком поленнице,
А без смаку не така, дай, хозяйка, пятака!

А еще, хозяйюшка, про запаску накладешь
нам в торбу колбаску?

А чтоб добро у вас бывало, нам еще шматочек сала!
Дай вам Бог за все дары, даст богатые дары —
Поросята и коровы,
И бывайте вы здоровы!»

После завершения колядований, ближе к полуночи, участники обряда собираются на общую трапезу. На ней едят продукты, которыми их одарили. Чаще всего колядовальщикам дарят сало, домашнюю колбасу, жареные котлеты, выпечку, консервированные овощи и самогон. Ранее такие трапезы проходили в доме старосты. В настоящее время они проводятся в сельском клубе. Примечательно, что рождественский стол в Новоберезовке до сих пор включает в себя множество белорусских блюд. Среди них «кишки» — запекаемые в печи колбаски из свиных кишок с начинкой (часто их набивают протертым картофелем, иногда — кашей). Особым деликатесом считаются кишки, начиненные фаршем из свинины. Почти в каждом доме готовят сало. Многие жители деревни делают горчицу.

В последнее время в Новоберезовке колядования со «звездой» проводятся не каждый год. Во многом это связано с сокращением круга старожилов, которым интересен этот обряд. Для сохранения обычая отдел культуры Аромашевского района включил колядования в Новоберезовке в план рекомендуемых мероприятий. Данная ситуация свидетельствует о том, что дальнейшее сохранение этого обряда, скорее всего, возможно лишь при его официальной поддержке.

Обряд «Свеча»

На территории Викуловского района Тюменской области в конце XIX — начале XX вв. возник ряд деревень, основанных переселенцами из Могилевской губернии. Благодаря достаточно обособленной жизни отдельных сельских общин, в них до сих пор сохранились некоторые оригинальные обряды, принесенные переселенцами с мест их выхода более столетия назад.

Одним из ярких примеров подобных традиций, не утративших аутентичности, являются почитание и обряд переноса иконы «Свеча», существующие в деревне Осиновка Викуловского района.⁹

⁸ См.: Зеленин Д. К. Указ. соч. С. 402.

⁹ Все изложенные ниже сведения о бытовании обряда «Свеча» были зафиксированы нами в ходе экспедиций в деревни Ермаки и Осиновка Викуловского района Тюменской области в июле 2009 г., январе и августе 2011 г.

Почитаемая в Осиновке икона «Воскресение Христово», называемая местными жителями «Свеча» (так же называют и обряд переноса иконы), по преданию, была привезена в Сибирь еще первым поколением переселенцев из Могилевской губернии и считалась хранилищем жителей Осиновки. Однако на сегодняшний день нет достоверных сведений о том, была ли икона действительно привезена из Беларуси или обретаена уже в Сибири. По предположениям В. Н. Веренковой, заведующей народным музеем деревни Ермаки, расположенной по соседству с Осиновкой, икона первоначально стояла в Никольской церкви в Ермаках. После того как храм был разрушен в 1930-е гг., икона стала храниться в домах у местных жителей в соответствии с существовавшей в Могилевской губернии традицией, о которой еще помнили переселенцы-старожилы. Со временем для иконы «Воскресение Христово» был сделан специальный деревянный киот, в который поместили и ряд других почитаемых в деревне икон («Святитель Николай», «Неопалимая купина» и др.). Иконостас был украшен искусственными цветами, фольгой и народной вышивкой.

По существующей в деревне традиции на Рождество икона переносится из одной избы в другую, где она будет находиться в течение года. Как правило, для хранения иконы выбирают старейших и наиболее уважаемых жителей деревни. Утром 7 января местные жители и приехавшие гости собираются в доме, в котором икона простояла прошлый год. Каждый человек кланяется иконе и зажигает возле нее свечу. Обычно принято класть около нее денежные пожертвования, которые остаются у хозяев дома. По воспоминаниям старожилов, обряд переноса иконы «Свеча» чаще всего проходил без священника, однако местные жители, знавшие молитвы, читали их перед иконой. Это объяснялось отсутствием в деревне церкви и полузапрещенным статусом самого обряда в советское время. В последние годы в дом, из которого будут переносить икону, приглашается священнослужитель из соседнего поселка. Он проводит службу и читает проповедь. Как правило, дом, в котором хранится икона «Свеча», не в состоянии вместить всех желающих, и на поклонение ей выстраивается очередь. Дорога, по которой переносят икону, заранее устилается соломой. Жители Осиновки и приехавшие гости встают на колени на устланном соломой пути, выстроившись в ряд. Икону проносят над

ними. Это считается у местных жителей своеобразным благословением на будущий год. Нередко под «Свечу» встают на колени приехавшие из других мест больные, так как в деревне сохранились рассказы о чудотворных свойствах этой иконы. Принеся икону в новый дом, ее всегда ставят на почетное место — в красный угол избы. По обычаю, двери дома, принявшего икону, всегда должны быть открыты для гостей, пришедших ей поклониться. Хозяева дома накрывают для гостей рождественский стол, за которым нередко поются песни.

Вся атрибутика обряда переноса «Свечи» считается чудодейственной. Солому, которой устилают дорогу для переноса иконы, многие люди уносят домой и сохраняют, считая, что она обладает целебными свойствами. Некоторые люди считают целебными и свечные огарки, оставшиеся около иконы.

По рассказам старожилов, традиция переноса «Свечи» никогда не прерывалась, даже несмотря на преследования в советское время.

Сравним особенности проведения обряда потомками белорусских переселенцев с сохранившимися его описаниями из мест выхода их предков.

На территории Белоруссии данный обряд уходит корнями в традиции «медовых братств» — обществ полуцерковного характера, чаще всего существовавших в деревнях.¹⁰ Одним из их объединяющих начал являлись «братчины» — братские восковые свечи, которые ежегодно наращивались всеми членами общины и порой достигали чрезвычайно больших размеров. Подобная свеча обычно называлась Братчиной или Кануном и хранилась в течение года в одной семье, а потом ее переносили в другой дом в день памяти того святого, которому она посвящена. Как отмечает Т. А. Листова, «эта свеча становится организующим началом нового сообщества, объединенного патронатом определенного святого, чье покровительство и реализуется через данный сакральный объект».¹¹

Нередко вместе со свечой могли храниться в доме и переноситься из дома в дом особо почитаемые иконы, как правило принадлежавшие всей общине. После молебна и переноса свечи жителями села устраивалась трапеза в

¹⁰ См.: Зеленин Д. К. Указ. соч. М., 1991. С. 385.

¹¹ Листова Т. А. Братский праздник «Свеча» на белорусско-русском пограничье. Ареал распространения и локальные особенности // *Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі*. Вып. 3: у 2 ч. Ч. 2. Мінск, 2007. С. 145.

честь почитаемого ими святого. В данном случае центром обряда, как правило, являлась не икона, а свеча.

Иная ситуация сложилась в тех районах Могилевской губернии, откуда прибыли переселенцы, основавшие деревни Осиновка и Ермаки (Дудичевская, Кошелевская и Меркуловицкая волости Рогачевского уезда).¹² В исследованиях Г. И. Лопатина отмечалось, что в ряде деревень Могилевщины, помимо братских свечей, «Свечой» называют иконы, которым поклоняются все жители деревни; что «Свечой» в населенных пунктах Восточного Полесья называли как сам обряд, так и его ритуальные принадлежности. Т. А. Листова также обращает внимание на то, что спецификой «Свечи» на гомельском приграничье является обозначение этим термином оброчной иконы, вставленной в киот и украшенной цветами. При этом автор отмечает, что «сценарий празднования, как и характер соответствующих взаимоотношений, каких-либо отличий не дает».¹³

Переносилась «Свеча» в день памяти святого, которому она посвящалась. В большинстве вариантов обряд совершался в течение двух дней. В первый день (обычно это происходило накануне переноса) все участники собирались в доме, где находилась «Свеча». Гости приносили с собой еду, рушники и другие ткани, которые жертвовали на «Свечу». Возле иконы читали Библию, пели акафисты и псалмы, молились, после чего хозяева угощали гостей. На следующее утро «Свечу» переносили в другой дом. На всем пути дорогу устилали соломой, либо полотном, либо еловыми лапами, либо цветами (в разных местностях был свой вариант обряда). Впереди несли хлеб, соль, свечку и следом — икону. Жители деревни, страдающие какой-либо болезнью, в надежде на выздоровление проходили под иконой.¹⁴

Опираясь на приведенное выше описание обряда «Свеча» в местах выхода белорусских

переселенцев, можно говорить о почти полном сохранении его аутентичности в Сибири.

Первые дошедшие до нас упоминания об обряде «Свеча» в Могилевской губернии относятся ко второй половине XIX в.¹⁵ При этом наиболее вероятно, что этот обряд уходит корнями в дохристианскую историю восточных славян. Об этом свидетельствуют отдельные исследования, авторы которых выделяют в элементах данного обряда пережитки таких древних культов, как культ домашнего очага, культ предков и др.¹⁶ По свидетельствам очевидцев, в годы советской власти (в особенности в 1920–1930-е гг.) этот обряд продолжал бытовать на территории Белоруссии. Так же, как и в Осиновке, спасенные иконы из разрушенных церквей становились достоянием сельской общины и передавались из дома в дом. Можно предположить, что данные исторические обстоятельства в ряде случаев способствовали смещению смысловых акцентов этого обряда: если ранее в большинстве случаев его организующим началом являлась Братская свеча, то теперь все чаще им становилась спасенная общиной икона почитаемого святого.

Примечательно, что в данном случае, ввиду отсутствия в деревне церкви, дом, в котором хранится икона, превращается в своеобразный временный сакральный центр поселения. По определению белорусской исследовательницы Л. Романовой, «такой дом становится своеобразной церковью».¹⁷ Как уже отмечалось выше, его двери всегда открыты для желающих помолиться и поклониться иконе. Приглашенный священник может проводить в этом доме службы и читать проповеди. Местные жители испытывают особое почтение к этому дому и к проживающей в нем семье, что часто сопровождается пожертвованием денег и пищи. При этом каждая семья, входившая в общину, стремилась быть достойной, чтобы принять в своем доме святыню. Обряд «Свеча», дошедший до нас, ограничивает круг тех, чей дом достоин принять икону. Так, «Свечу» не отдавали пьяницам и убийцам.¹⁸

Учитывая тот факт, что на территории Белоруссии многие «Свечи» начинали носить по

¹² Места выхода переселенцев были выявлены в ходе устного опроса и изучения семейных документов во время экспедиции 2011 г., организованной О. А. Лобачевской (Минск) и Р. Ю. Федоровым (Тюмень). Информация о них подробно изложена в следующей публикации: Лобачевская О. А., Федоров Р. Ю. «Свеча» в Сибири: этнографический и культурно-антропологический аспекты бытования обряда у белорусских переселенцев // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 1 (16). С. 72–82.

¹³ Листова Т. А. Указ. соч. С. 149.

¹⁴ См.: Лопатин Г. И. «Икона звалась свечой...» Из опыта изучения обряда «Свечи» в Восточном Полесье // Антропологический форум. СПб., 2008. № 8. С. 407.

¹⁵ См.: Жудро Ф. А. Свеча — белорусский церковно-бытовой праздник // Могилевские епархиальные ведомости. 1893. № 13. С. 232–236.

¹⁶ См.: Добровольский В. Н. Значение народного праздника «Свечи» // Этнографическое обозрение. 1900. № 4. С. 35–51.

¹⁷ Романова Л. «Свяча ці народамі, ці богам сьудана». Абрад «Свяча» // Роднае слова. 2004. № 3. С. 104.

¹⁸ См.: Лопатин Г. И. Указ. соч. С. 414.

обету во время событий, угрожавших жизни ее населения (стихийные бедствия, голод, эпидемии),¹⁹ можно предположить, что традиция осиновской «Свечи» могла возникнуть как ответ на жизненные трудности, которые испытывали переселенцы на новом месте. В этом случае «Свеча» «духовно укрепляла общину в борьбе за выживание на новых землях, опекала своим заступничеством, спланивала коллектив».²⁰ Принесенный белорусами в Сибирь, обряд выполнял важную функцию сохранения соборности сельской общины даже в атеистическую эпоху советской власти.

В последние годы жители Осинки все чаще стали задумываться о будущей судьбе как самой иконы, так и обряда. Сокращение численности населения деревни и уход из жизни старожилы ставят под угрозу бытование обряда. С данной ситуацией рано или поздно сталкивались жители многих деревень, в которых существовали подобные традиции. Так, Т. А. Листовой был описан случай, когда в деревне Хорошевка Добрушского района Гомельской области икона оставалась пять лет в одном доме ввиду того, что уже не было желающих принять ее.²¹ Жители Осинки склоняются к тому, что, если в деревне не останется семей, способных принимать икону, она будет передана в ближайшую церковь, расположенную в районном центре Викулово. Однако как у местных жителей, так и у этнографов существуют опасения, что представители духовенства, скорее всего, не сохранят киот и украшение иконы и тем самым окончательно лишат ее прежнего ритуального контекста, сложившегося в среде белорусских переселенцев.

В жизни белорусов народные православные традиции занимают особое место. На эту ситуацию большое влияние оказал процесс утверждения католицизма среди представителей шляхты, продолжавшийся с начала XVI до конца XVIII столетия, связанный с вхождением Великого княжества Литовского в состав Речи Посполитой. На фоне перехода в католицизм или униатство значительной части просвещенного городского населения белорусские крестьяне в своем большинстве

оставались верны православию, которое в те времена пренебрежительно называли «верой холопов». В ряде районов Белоруссии в этот период православное деревенское население подвергалось процессам культурной изоляции и маргинализации, что напоминало ситуацию, имевшую место среди старообрядческих общин в России. Эти факторы, а также удаленность многих поселений от храмов и редкие контакты с духовенством определили ключевую роль народных православных традиций в сохранении религиозной идентичности среди белорусского крестьянства. Особенно ярко выраженной данная ситуация оказалась на территории Полесья, в традиционной культуре населения которого сохранилось наибольшее количество архаических черт восточнославянской культуры.

Во второй половине XIX — начале XX вв., многие белорусские крестьяне, переселившиеся на Урал и в Сибирь, оказались в еще большей изоляции от воцерковленной жизни. Сначала это было связано с отсутствием церквей и духовенства во многих переселенческих деревнях, а позднее — с атеистической идеологией государства в годы советской власти. Большинство опрошенных нами информаторов указывало на то, что они и их предки в последних двух-трех поколениях, как правило, обращались к духовенству лишь в исключительных случаях для совершения важнейших церковных таинств (крещение, венчание, отпевание).

Иногда даже сам момент приобщения человека к христианской вере мог отличаться от установленных в православной церкви канонических. Так, в ряде белорусских деревень Викуловского района Тюменской области нами был зафиксирован обряд погружения, исполнявшийся в случае отсутствия возможности крестить младенца в церкви. Информатор Анфиса Денисенко, 1928 г. р., проживающая в деревне Осинка, отмечает, что она не крещенная, а «погруженная», подчеркивая этот особый статус. Обряд погружения описывался ею так: «Когда крестят ребенка, то в доме ставят корытце деревянное, какая-нибудь уважаемая в деревне бабушка окунает в него ребенка, одевает на него крестик. Все выглядит так, как при настоящем крещении: те же молитвы читают, вокруг корыта кум и кума ходят...» Чаще всего сохранение обряда погружения информаторы объясняли отсутствием в деревне священника или невозможностью приехать

¹⁹ См.: Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка населения Северо-Западного края. Т. 3 // Сб. отд-ния русского языка и словесности. СПб., 1902. Т. 72. С. 180.

²⁰ Лобачевская О. А., Федоров Р. Ю. Указ. соч. С. 75.

²¹ См.: Листова Т. А. Указ. соч. С. 149.

в соседние деревни, в которых действовали храмы. Среди жителей деревень, так же как и у современного православного духовенства, нет единой точки зрения на то, тождественно ли погружение крещению.

Несмотря на незначительную роль официальной церкви в жизни большинства рассмотренных нами переселенческих деревень, их отличительной особенностью является высокая степень сохранения общинных этических норм и самоорганизация людей, направленная на поддержание народных православных традиций. Некоторые потомки переселенцев объясняют сохранившуюся силу общинных отношений, «когда вся деревня — одна большая семья» (Н. В. Сальников), ситуацией, требовавшей от их предков сплочения перед лицом трудностей, возникавших на новом месте, в чуждом этнокультурном окружении. Сравнивая нравственные устои чалдонов и белорусских переселенцев в Новоберезовке, Н. В. Сальников отмечал: «Мы всегда отличались большим трудолюбием и сплоченностью, чем чалдоны. В голодные годы те просили у самоходов очистки картошки, потому что были лодырней, работать не умели. Чалдоны могли предать друг друга, а самоходы боялись, потому что среди них свой суд был. Потом деревня разрослась, но эти отношения остались».

Судя по опросам, значительная часть старожилов рассмотренных нами белорусских переселенческих деревень сохранила искренность своей веры. Многие люди, никогда не имевшие духовников-священнослужителей, сами устанавливают себе условия соблюдения Великого, Рождественского и других постов, руководствуясь состоянием своего здоровья и материальными условиями. Один из примеров подобной

«самодисциплины» был зафиксирован нами на Рождество 2011 г. в деревне Осиновка во время совместной трапезы в доме, в который была перенесена икона «Свеча». Присутствовавший на ней иерей Владимир, служащий в Троицком храме районного центра — деревни Викулово, в своей проповеди сделал замечание собравшимся по поводу присутствия на праздничном столе спиртных напитков, отметив, что считает алкоголь злом, убивающим душу православного христианина. На эти слова собравшиеся гости возразили, что во время христианских праздников они могут позволить себе немного выпить, но всегда знают меру, и в их деревне «никому в голову не придет превратить подобный праздник в попойку».

В настоящее время, ввиду ухода из жизни старших поколений потомков белорусских переселенцев, являвшихся последними носителями аутентичных народных православных традиций, бытование в ближайшем будущем многих зафиксированных нами праздников и обрядов ставится под большое сомнение. Попытки сохранения некоторых традиций белорусских переселенцев предпринимаются национальными культурными объединениями, однако в большинстве случаев они представляют собой лишь реконструкции отдельных праздников и обрядов, лишённые их оригинального сакрального и практического смысла. Поэтому фиксация и изучение сохранившихся отголосков народных православных традиций белорусов Зауралья имеют большое значение, прежде всего как последняя возможность соприкоснуться с отдельными феноменами народной культуры, которые ещё продолжают бытовать в своем оригинальном смысловом и функциональном контексте.

Ключевые слова: *белорусские переселенцы, народные православные традиции, колядования со «звездой», обряд «Свеча», обряд погружения, трансформации этнических традиций, ассимиляция*

Anatoly N. Bagashev

Doctor of Historical Sciences, Institute of Problems of Development of the North,
Siberian branch of the RAS (Russia, Tyumen)
E-mail: bagashev@tmn.ru

Roman Yu. Fedorov

Candidate of Philosophical Sciences, Institute of Problems of Development of the North,
Siberian branch of the RAS (Russia, Tyumen)
E-mail: r_fedorov@mail.ru

POPULAR RUSSIAN ORTHODOX TRADITIONS
OF THE BELORUSSIAN FARMERS-MIGRANTS IN THE TRANS-URAL

The article deals with the popular Russian Orthodox traditions maintained in the areas of compact settlement of the descendants of the Belorussian farmers who migrated into the Trans-Ural territories. Summing up the materials collected during field research expeditions the author performed a detailed study of various rituals still practiced in the territory of the Tyumen region, including carol singing with a “star”, “Candle” icon carrying ritual, immersion ritual which in some cases was practiced as a substitution for the traditional church baptism of babies. The author studied the mechanisms of preservation and transformation of popular Orthodox Christian traditions in the areas of the initial settlement of the migrants and among their descendants’ communities in the Trans-Ural.

Key words: Belarussian immigrants, folk Orthodox tradition, of caroling with the “star”, ceremony “Candle”, the rite of immersion, the transformation of ethnic traditions, assimilation

REFERENCES

- Bagashev A. N., Fedorov R. Yu. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii* (Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia), 2012, № 3 (51), pp. 124–129. (in Russ.).
- Bogdanovich A. Ye. Moscow: “Slava!”, 2009, 160 p. (in Russ.).
- Dobrovolskiy V. N. *Etnograficheskoe obozrenie* (Ethnographic review), 1900, № 4, pp. 35–51. (in Russ.).
- Listova T. A. *Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі* (Questions of art history, ethnology and folklore), 2007, Issue 3, Part 2, pp. 145–151. (in Belarussian).
- Lobachevskaya O. A., Fedorov R. Yu. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography), 2012, № 1 (16), pp. 72–82. (in Russ.).
- Lopatin G. I. *Antropologicheskii forum* (Anthropological Forum), 2008, № 8, pp. 402–416. (in Russ.).
- Romanova L. *Роднае слова* (Native Word), 2004, № 3, pp. 102–106. (in Belarussian).
- Sheyn P. V. *Sbornik otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti* (The collection department of Russian language and literature), 1902, Vol. 72, pp. 180–183. (in Russ.).
- Titovets A. V. *Belorusy v Sibiri: sokhranenie i transformatsii etnicheskoy kultury: sb. nauch. tr.* (Belarusians in Siberia: the preservation and transformation of the ethnic culture: collected papers). Novosibirsk: Izd-vo IAE SO RAN, 2011, pp. 97–132. (in Russ.).
- Zelenin D. K. Moscow: Nauka, 1991, 511 p. (in Russ.).
- Zhudro F. A. *Mogilevskie eparkhialnye vedomosti* (Mogilev Diocesan Gazette), 1893, № 13, pp. 232–236. (in Russ.).
- Беларуска-Рускі слоўнік* (Belarus-Russian dictionary). Minsk: Aversev, 2003, 271 p. (in Belarussian, in Russ.).